

Д.Ю. Хоменко

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ С ТАМОШНИМИ ФИННАМИ»: ОРГАНИЗАЦИЯ ДУХОВНОГО ПРИЗРЕНИЯ ЛЮТЕРАН ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматриваются особенности создания в начале 1860-х гг. и реорганизации в начале 1880-х гг. лютеранского прихода на юге Енисейской губернии. Выявлены акторы, участвовавшие в данном процессе: имперские власти, сибирские власти, местное население, общественность на исторической родине (Финляндия и Прибалтика) и др. Созданная в начале 1880-х гг. система духовного призрения лютеран оценивается как эффективная. Имперская политика в отношении лютеран оценивается как гибкая.

Ключевые слова: лютеране; Енисейская губерния; Верхний Суэдук; Нижняя Буланка; Верхняя Буланка; финны; эстонцы; латыши.

Одним из источников роста населения Сибири была ссылка. Данному наказанию подвергались представители различных конфессий и национальностей. Среди прочих прибывали финны, латыши, эстонцы, и немцы, которые исповедовали лютеранство.

Современники оставили описания заселения лютеранских колоний Енисейской губернии в середине XIX в. [1] и положения колоний в конце XIX в. [2]. В советский период данная тема практически не вызывала внимания историков. 1990-е гг. стали временем появления работ, посвященных религиозной истории лютеранских общин России и Сибири. Прежде всего следует отметить монографию О.В. Курило [3] и работы О.А. Лиценбергер [4, 5], которые посвящены истории лютеранской и римско-католической церквей в Российской империи. На региональном уровне проблемы конфессиональной политики империи решаются в работах А.П. Дворецкой [6, 7]. Касательно лютеран автор отмечает снижение степени религиозности в начале XX в., наличие значительных трудностей в организации религиозной жизни.

Работы Н.А. Баранцевой посвящены реконструкции этносоциальных процессов среди населения юга Средней Сибири, в том числе лютеранского [8]. Существуют работы, посвященные истории диаспор отдельных народов в Енисейской губернии, исповедовавших лютеранство [9–12]. В настоящей статье кратко описаны различные стороны жизни лютеранского населения губернии [13].

В 2014 г. вышла в свет книга И.М. Эспер и С.С. Сярг [14]. Ее авторы не являются профессиональными историками, поэтому не решают в своей работе научных проблем. Однако книга представляет значительную ценность за счет имеющегося в ней богатого фактического материала. Вместе с тем книга посвящена финской лютеранской церковной организации в Сибири, поэтому жизнь латышей, эстонцев и немцев в ней только упоминается.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей процесса формирования лютеранского прихода в Енисейской губернии в указанный период, в том числе выявление акторов, принявших участие в данном процессе. Исследование основано на материалах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Красноярского края.

В 1850–1851 гг. поселенцы из западносибирской лютеранской колонии Рыжково основали деревню Верхний Суэдук в Минусинском округе Енисейской губернии. Этот населенный пункт стал местом водворения всех вновь прибывавших ссыльных лютеранского вероисповедания. В течение 1850-х гг. по соседству были основаны еще две деревни: латыши основали колонию Нижняя Буланка, а эстонцы – Верхнюю Буланку [1]. Отмечается, что сделано это было «во избежание национальной розни с тамошними финнами», которые населяли Верхний Суэдук [15. С. 28].

В конце 1850-х гг. власти озаботились необходимостью создания лютеранского прихода для окормления жителей означенных поселков. В 1858 г. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория обратилась в министерство внутренних дел с предложениями по устройству «духовного призрения ссыльных поселенцев сего исповедания в Восточной Сибири» [16. Л. 66]. В 1861 г. к решению вопроса подключилась администрация Великого княжества Финляндского в лице его статс-секретаря, который предложил министру внутренних дел 15 апреля 1861 г. назначить в Восточную Сибирь «одного финского пастора и одного катихизатора... с производством им содержания из финляндских статных сумм». Местом пребывания означенных лиц предлагалось сделать Верхний Суэдук [16. Л. 1–3].

Финские власти предполагали распространить духовное влияние будущего пастора только на «финляндских уроженцев». Сибирская администрация видела будущее устройство прихода иначе. Генерал-губернатор Восточной Сибири предлагал 1 декабря 1861 г. министру внутренних дел, по назначении пастора в Верхний Суэдук, подчинить его духовному попечению всех лютеран Енисейской губернии, без учета национальной принадлежности. Прежде всего это предложение касалось ссыльных латышей и эстонцев из Нижней и Верхней Буланок [16. Л. 13–15 об.].

Таким образом, можно выделить трех акторов, участвовавших в процессе создания лютеранского прихода в Енисейской губернии: руководство Евангелической церкви, финские власти и сибирские власти. Однако мнения двух последних акторов о путях решения вопроса отличались. Подход администрации Финляндии предлагается охарактеризовать как экстерриториально-национальный: пастор должен был

окормлять только финнов, а территория прихода не должна была ограничиваться только одной губернией. Сибирская администрация стояла на конфессионально-территориальной позиции: будущий лютеранский приход должен был быть четко ограничен территорией Енисейской губернии, а прихожанами должны были стать все лютеране, любой национальности. Центральные власти, в лице министра внутренних дел, поддержали в итоге сибирскую администрацию.

Указ Александра II от 21 марта 1863 г. о создании лютеранского прихода с центром в Верхнем Суэтуке следует признать компромиссным. С одной стороны, будущий пастор должен был окормлять всех лютеран (конфессиональный подход) независимо от национальности. С другой – предполагалось, что он будет финном по происхождению, ему предписывалось знать финский язык (но не латышский и эстонский), и преимущества по службе он мог получить только в Финляндии (национальный подход) [17. С. 247–249; 18. Л. 3 об.–4].

Представляется неслучайным тот факт, что назначение лютеранского пастора совпало с расширением автономии Великого княжества Финляндского: в том же 1863 г. была возобновлена работа законодательного органа – Сейма [19. С. 343]. Традиционно подъем финляндской автономии объясняется либеральными намерениями Александра II. В современной финской историографии восстановление и расширение автономии предлагается рассматривать как своеобразную благодарность финнам со стороны империи за про-российскую позицию в Крымской войне и как компенсацию за потери от действий англо-французского флота [20. С. 212–213]. Благожелательное отношение имперского центра к нуждам финского населения по всей империи может рассматриваться как часть общей либерализации политики по отношению к финскому населению.

Во второй половине 1870-х гг. выявилась недееспособность созданной системы духовного попечения лютеранского населения Енисейской губернии. В результате инспекции лютеранских колоний в Минусинском округе, проведенной генерал-суперинтендантом московской евангелическо-лютеранской консистории А. Юргенсоном в 1880 г., был выявлен «упадок церковной и нравственной жизни, особенно в латышском поселении Нижней Буланке, вызванный тем обстоятельством, что ни один из прежних проповедников не владел латышским языком» [21. Л. 1 об.]. Ранее, в 1877 г., представители Лифляндской дворянской корпорации обращались в Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию с предложением «об определении в поселении Нижней Буланки особого проповедника, владеющего латышским языком» [21. Л. 2]. А. Юргенсон поддерживал данное предложение, полагая, что его реализация улучшит духовную жизнь латышей. Кроме того, генерал-суперинтендант предложил перенести «штаб-квартиру» финского пастора из Верхнего Суэтука в другое место, «откуда он имел бы возможность посещать ежегодно многочисленных поселенных в Западной Сибири финляндских уроженцев и оказывать им духовное призрение» [21. Л. 1–1 об.]. Следует от-

метить, что в отчете А. Юргенсона указывалось, что само местное население в лице «старшин» просило «о назначении к ним в возможной скорости владеющего латышским языком проповедника» [21. Л. 1 об.].

Следовательно, на рубеже 1870–1880-х гг. три актора (местное население, соплеменники на исторической родине и администрация Евангелической церкви) пришли к выводу о необходимости реформировать систему духовного попечения лютеран Енисейской губернии путем назначения отдельного пастора для латышского населения. При этом все акторы называли одинаковую причину фактического отсутствия духовного влияния на латышское население финляндского пастора – незнание последним латышского языка.

Поддержка сибирских латышей и эстонцев со стороны населения Прибалтики не ограничивалась только обращениями представителей дворянства. Были собраны финансовые средства: «со стороны Лифляндского дворянства... в размере 500 руб., со стороны города Риги и Лифляндского окружного комитета, Вспомогательной кассы по 300 руб., и со стороны Центрального комитета вспомогательной кассы 900 руб. в год» [21. Л. 2]. То же касается и Финляндии – как было указано выше, жалование пастору и катихизатору выплачивалось из «финляндских штатных сумм».

Финляндский сенат ожидаемо поддержал мнение А. Юргенсона о необходимости переноса «штаб-квартиры» финляндского пастора. Предлагалось разместить ее в г. Омске. Сенат предполагал вменить новому пастору в обязанность «ежегодно посещать все населенные финляндцами места в Западной Сибири до Верхнего Суэтука» [21. Л. 7 об.–8 об.]. Таким образом, позиция Финляндского сената представляется последовательной: как и в начале 1860-х гг., финская администрация добивалась создания экстерриториально-национального прихода.

В результате усилий по реформированию системы духовного попечения восточно-сибирских лютеран 23 декабря 1884 г. в Гельсингфорсе было сделано Высочайшее объявление. Александр III распорядился «по назначении особого эстонско-латышского проповедника для поселений в окрестностях Верхнего Суэтука, постоянное местопребывание финляндского проповедника впредь до времени перенести в Омск» [21. Л. 81 об.]. Данное объявление не вошло в Полное собрание законов Российской империи, и его текст известен исследователю из архивной копии.

Указанное объявление касалось только переноса «штаб-квартиры» финляндского пастора. Вероятно, эстонско-латышский приход в Нижней Буланке был создан другим нормативно-правовым актом. В составленном летом 1888 г. Московской консисторией списке всех евангелическо-лютеранских приходов Сибири указано, что приход Нижней и Верхней Буланки существует с 1881 г. [21. Л. 157]. Однако акт о создании данного прихода пока не обнаружен.

Таким образом, в начале 1880-х гг. была создана новая система духовного попечения лютеран Енисейской губернии. Она представляла собой сосуществование двух приходов: один – территориальный, для

лютеран разных национальностей (преимущественно латышей, эстонцев и немцев), второй – экстерриториальный, только для финского населения. Эта система просуществовала до революции 1917 г.

Как отмечалось, жизнь эстонских и латышских колонистов в Восточной Сибири на рубеже 1870–1880-х гг. являлась объектом внимания со стороны Прибалтийской общественности. То же можно сказать и о финских колонистах. Например, в 1884 г. «некоторые частные лица в Гельсингфорсе приобрели на собранные ими средства орган для употребления при богослужении и школе для сказанных колонистов (жителей Верхнего Суэтука. – Д.Х.)». Это приобретение состоялось по ходатайству учителя из Верхнего Суэтука [21. Л. 73].

После приобретения встал вопрос о доставке органа в Восточную Сибирь. До г. Санкт-Петербург орган был доставлен за счёт жертвователей. Доставку от столицы империи до г. Томск оплатила Генеральная евангелическо-лютеранская консистория [21. Л. 94 об.]. За доставку от г. Томск до пос. Верхний Суэтук вновь платили жертвователи. Орган был отправлен в г. Томск на рубеже июня-июля 1885 г. [21. Л. 121]. К сожалению, не известно, был ли орган доставлен по месту назначения.

Данный случай показывает, во-первых, что Генеральная евангелическо-лютеранская консистория продолжала заботиться о духовном призрении ссыльных финнов, несмотря на стремление финской администрации создать национальный финский лютеранский приход. Во-вторых, если в 1860-х гг. интересы ссыльных финнов отстаивали государственные национальные структуры в лице Финляндского сената, то в 1880-х гг. фиксируется внимание общественности к жизни и судьбам соплеменников. Таким образом, общественные силы как в Прибалтике, так и в Финляндии заинтересовались судьбами ссыльных соплеменников примерно в одинаковое время. Этот интерес может быть расценен как показатель развитости национального самосознания.

Несмотря на произошедшее еще в 1850-х гг. национальное размежевание, в Верхнем Суэтуке продолжали проживать эстонцы, духовное попечение которых, согласно реорганизации 1880-х гг., было заботой нижебуланского пастора. Такое положение дел приводило к конфликтам: в 1898 г. пастор Н. Буш подал жалобу на финского катехизатора П. Тойкку, указывая, что последний мешает проведению эстонских богослужений в церкви в Верхнем Суэтуке. Консистория приняла «соломоново решение», назначив точное время для финской и эстонской службы: первую было указано начинать в 10 часов, а вторую – в 8 [14. С. 199].

Финские священники отмечали, что национальный состав жителей Верхнего Суэтука изменился к началу XX в.: доля финнов уменьшалась, а доля эстонцев – значительно возрастала [14. С. 214]. Вероятно, это положение спровоцировало очередной конфликт. В 1915 г. Верхне-Суэтуцкий евангелическо-лютеранский церковный совет в Енисейской губернии обратился к Енисейскому губернатору с просьбой упразднить финский приход в колониях. Это было связано с тем, что «фин-

ский же катизатор (так в тексте, имеется в виду катехизатор. – Д.Х.) подстрекает наших прихожан от обязанностей» по содержанию эстонского училища. При этом в донесении совета национальная составляющая прослеживается очень четко: прихожане лютеранского прихода Енисейской губернии подчеркнута именуются эстонцами [22. Л. 1].

Пастор В. Рейхвальд в своем донесении от 17 июля 1915 г. признал, что так как «финский язык похож на эстонский язык, нередко бывают случаи, что члены эстонского прихода переходят в финский приход для достижения некоторых удобств по отношению к школьному вопросу. Кроме того, вновь приписывающиеся к деревне во многих случаях обращаются к финскому приходу, так как... их легче принимают». Далее пастор признал, что такая ситуация приводила к соперничеству и несогласию между двумя приходами, но вместе с тем считал жалобу малообоснованной. По его мнению, в исключительно религиозном отношении «никаких несогласий быть не может, потому что те и другие – лютеране». В целом же позиция В. Рейхвальда была следующая: «Я со своей стороны против перехода эстонцев в финский приход никаких препятствий не имею и вообще доволен, что финский приход обслуживается финским пастором» [22. Л. 3–3 об.].

Параллельно с прошением Енисейскому губернатору заместитель Председателя эстонского Церковного совета О. Петлем обратился в Финляндский сенат с просьбой как минимум отстранить А. Куисманена от работы, а как максимум – ликвидировать финский приход в Верхнем Суэтуке. Мотивировка была та же, что и в прошении губернским властям. Однако финляндская администрация отклонила прошение [14. С. 214]. Таким образом, указанные конфликты не спровоцировали каких-либо преобразований в созданной в начале 1880-х гг. системе двух приходов, что говорит о ее эффективности.

Таким образом, можно выделить следующих акторов, участвовавших в процессе организации духовной жизни лютеран Енисейской губернии: администрация Евангелическо-лютеранской церкви России (в лице Генеральной и Московской консисторий), имперские центральные власти (в лице министерства внутренних дел), сибирские власти (в лице Енисейского губернатора и Генерал-губернатора Восточной Сибири), финские власти (в лице Финляндского сената), прибалтийская общественность и само население лютеранских колоний (в лице старшин). Предлагалось два подхода к организации лютеранского прихода: экстерриториально-национальный и конфессионально-территориальный. За первый выступали финские власти, за второй – сибирская администрация и руководство Евангелической церковью. Изначально приход был создан по второму варианту, с элементами компромисса. После реорганизации в начале 1880-х гг. финский приход стал экстерриториально-национальным. Имперская политика (как местных властей, так и центральных) представляется достаточно гибкой, способной учитывать потребности различных групп лютеранского населения.

Участие общественности Прибалтики и Финляндии в жизни своих соотечественников в Сибири может быть следствием наличия относительно высокого уровня национального самосознания. Им же могут объясняться и конфликты между жителями лютеранских колоний Енисейской губернии (финнами, с одной стороны, и латышами и эстонцами – с другой).

Финляндские власти принимали деятельное участие в жизни колонистов с начала 1860-х гг. Пока не

обнаружены данные, которые бы свидетельствовали об участии жителей Прибалтики в жизни лютеранских колоний Енисейской губернии до конца 1870-х гг. Вероятно, это было следствием того, что Финляндия обладала автономией в составе империи. С одной стороны, она способствовала формированию национального самосознания финнов, с другой – обеспечивала наличие административных структур, способных отстаивать интересы соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб. : Типография К. Вульфа, 1865. С. 58–78.
2. Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций Минусинского музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900. 212 с.
3. Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М. : Лютеранское наследие, 2002. 400 с.
4. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М. : Готика, 1999. 432 с.
5. Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России : сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005.
6. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : СФУ, 2015. 188 с.
7. Дворецкая А.П. Конфессиональная история России XX–XXI вв. : учеб. пособие / А.П. Дворецкая, А.А. Ипеева, О.В. Коновалова. Красноярск : СФУ, 2017. 192 с.
8. Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецких народов Енисейской губернии как отражение государственной политики в кон. XIX – перв. тр. XX вв. // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск : Минусинский регион. краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, 2010. С. 78–84.
9. Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 173–179.
10. Ойнец-Николаева В.А. Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 159–165.
11. Дятлова В.А. Немецкие поселения на юге Красноярского края (по архивным материалам ГАКК, Минусинского краеведческого музея и МГГА) // Научный ежегодник КГПУ. Т. 2, вып. 2. Красноярск : РИО КГПУ, 2001. С. 64–69.
12. Чернышова В.Г. Немецкое население Минусинского округа в XIX – начале XX веков // Немцы в Сибири: история, язык, культура. Красноярск, 2004. С. 104–108.
13. Хоменко Д.Ю. Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : межэтнические отношения // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Междунар. молодежной науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 104–111.
14. Эспер И.М., Сярг С.С. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. СПб. : Гйоль, 2013. 390 с.
15. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4, вып. 2. Иркутск : Типография К.И. Витковской, 1893. 176, 55, 129 с.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1218.
17. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание (ПСЗ-2). Т. 38-1. № 39400.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. № 57.
19. Витхновская-Кауппала М.А. С.Ю. Витте, Н.Н. Герард и парламентская реформа Финляндии // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2018. С. 343–364.
20. Кауппала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора : люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2012. С. 195–213.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159.
22. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1042.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

“To Avoid Ethnic Hatred to Local Finns”: Organization of Spiritual Charity of Lutherans of Yenisei Province in the Second Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 186–190.

DOI: 10.17223/15617793/468/21

Denis Yu. Khomenko, Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Keywords: Lutherans; Yenisei Province; Verkhniy Suetuk; Nizhnyaya Bulanka; Verkhnyaya Bulanka; Finns; Estonians; Latvians.

In the article, the author researches the creation in 1863 and reorganization in the early 1880s of the Lutheran parish in Yenisei Province. Until the end of the 19th century, the Lutheran population of the region was mainly replenished due to criminal exile. The exiled were placed in three colonies purposely established in the 1850s in the south of the province: Verkhniy Suetuk, Nizhnyaya Bulanka, Verkhnyaya Bulanka. Finns and Estonians lived in the first, Estonians in the second, and Latvians and Germans in the third. The author draws attention to the fact that this demarcation of the Lutheran population on a national basis was an initiative of the exiled themselves. The author identified the actors who participated in the creation and reorganization of the parishes: the administration of the Evangelical Lutheran Church of Russia, the authorities of the autonomous Grand Duchy of Finland, the central imperial authorities, Siberian authorities, the population of the Lutheran colonies of Yenisei Province, the public in the Baltic states and Finland. Finnish authorities advocated the creation of a national parish, only for the Finnish population. Other actors proposed to organize a territorial parish for all Lutherans of the province. The second approach prevailed in 1863: the Lutheran pastor appointed to

Verkhniy Suetuk was to guide all Lutherans of Yenisei Province. At the turn of the 1880s, the incapacity of this system became clear: residents of Verkhnyaya Bulanka and Nizhnyaya Bulanka were virtually without the care of a pastor because the latter did not know the languages of their inhabitants (Latvian and Estonian), and they did not know Finnish. This situation led to the revision of the decree of 1863, which resulted in decisions to transfer the center of the parish to Nizhnyaya Bulanka, to impose an obligation of knowing Estonian and Latvian on the future pastor, and to create a new parish with the center in Omsk exclusively for the Finnish population. The author suggests calling this Lutheran parish extraterritorially national because, on the one hand, it was intended only for the Finnish population; on the other, its territory did not coincide with any administrative-territorial formation in Siberia. Besides state structures, the population of the colonies and inhabitants of the Baltic states, who raised money to organize a new parish, participated in the reorganization of the spiritual life of Lutherans in the late 1870s. The Finnish public's participation was not direct; however, the author of the article cites facts of organizing assistance to Siberian Finns from their compatriots. The author evaluates the system created as a result of the reorganization as effective: despite a number of conflict situations between the parishioners of the two parishes, the question of its reform was not raised. The author evaluates the imperial policy regarding the Lutheran population of Yenisei Province (of both Siberian and central authorities, as well as the administration of the Evangelical Lutheran Church) as flexible, able to take into account spiritual needs.

REFERENCES

1. Gaup, V. (1865) Sostoyaniye koloniy ssyl'nykh lyuteranskogo veroispovedaniya v Shushenskoy volosti Minusinskogo okruga, 1850–1863 g. [The state of the colonies of exiled Lutheran faith in Shushenskaya Volost of Minusinsk District, 1850–1863]. In: *Vtoraya pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1865–1866 gg.* [The second memorable book of Yenisei Province for 1865–1866]. St. Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa. pp. 58–78.
2. Yakovlev, E.K. (1900) Opisanie etnograficheskikh kollektsiy Minusinskogo muzeya [Description of ethnographic collections of the Minusinsk Museum]. In: *Opisanie Minusinskogo muzeya* [Description of the Minusinsk Museum]. Vol. 4. Minusinsk: [s.n.].
3. Kurilo, O.V. (2002) *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)* [Lutherans in Russia (16th–20th centuries)]. Moscow: Lyuteranskoe nasledie.
4. Litsenberger, O.A. (1999) *Evangelicheskoye lyuteranskoye tserkov' i sovetskoye gosudarstvo (1917–1938)* [Evangelical Lutheran Church and the Soviet State (1917–1938)]. Moscow: Gotika.
5. Litsenberger, O.A. (2005) *Rimskokatolicheskaya i Evangelicheskoye lyuteranskoye tserkvi v Rossii: sravnitel'nyy analiz vzaimootnosheniy s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII – nachalo XX v.)* [Roman Catholic and Evangelical Lutheran Churches in Russia: Comparative Analysis of Relations with the State and Society (17th – early 20th centuries)]. History Dr. Diss. Saratov.
6. Dvoretzskaya, A.P. (2015) *Religioznaya zhizn' naseleniya Prieniseyskogo regiona v pervoy treti XX v. (1900–1930-e gg.)* [Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the 20th century (1900–1930s)]. Krasnoyarsk: SFU.
7. Dvoretzskaya, A.P. (2017) *Konfessional'naya istoriya Rossii XX–XXI vv.: ucheb. posobie* [Confessional history of Russia of the 20th–21st centuries: textbook]. Krasnoyarsk: SFU.
8. Barantseva, N.A. (2010) Etnotsial'nye protsessy sredi pribaltijskikh i nemetskikh narodov Eniseyskoy gubernii kak otrazhenie gosudarstvennoy politiki v kon. XIX – perv. tr. XX vv. [Ethnosocial processes among the Baltic and German peoples of Yenisei Province as a reflection of state policy in the end of the 19th – first third of the 20th centuries]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya* [Martyanov readings on local lore]. Vol. VI. Minusinsk: Minusinskiy region. kraevedcheskiy muzey im. N.M. Mart'yanova. pp. 78–84.
9. Ivanova, I.P. (2004) Vzaimodeystvie i vzaimoproniknovenie kontaktiruyushchikh etnicheskikh kul'tur na yuge Krasnoyarskogo kraya [Interaction and interpenetration of contacting ethnic cultures in the south of Krasnoyarsk Krai]. In: *Sokhraneniye i vzaimoproniknoveniye natsional'nykh kul'tur kak faktor ustoychivogo razvitiya Prieniseyskogo kraya* [Preservation and interpenetration of national cultures as a factor of sustainable development of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 173–179.
10. Oynets-Nikolaeva, V.A. (2004) Estontsy v Sibiri v XXI veke. Muzeynyy proekt kak simvol sokhraneniya i razvitiya [Estonians in Siberia in the 21st century. Museum project as a symbol of preservation and development]. In: *Sokhraneniye i vzaimoproniknoveniye natsional'nykh kul'tur kak faktor ustoychivogo razvitiya Prieniseyskogo kraya* [Preservation and interpenetration of national cultures as a factor of sustainable development of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 159–165.
11. Dyatlova, V.A. (2001) Nemetskie poseleniya na yuge Krasnoyarskogo kraya (po arkhivnym materialam GAKK, Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya i MGGA) [German settlements in the south of Krasnoyarsk Krai (based on archival materials of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the Minusinsk Museum of Local Lore, and the Moscow City State Administration)]. In: *Nauchnyy ezhegodnik KGPU* [Scientific Yearbook of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. Vol. 2 (2). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 64–69.
12. Chernysheva, V.G. (2004) [The German population of Minusinsk District in the 19th – early 20th centuries]. *Nemtsy v Sibiri: istoriya, yazyk, kul'tura* [Germans in Siberia: history, language, culture]. Proceedings of the International Conference. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 104–108.
13. Khomenko, D.Yu. (2014) [Lutherans in Yenisei Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: interethnic relations]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: the view of young researchers]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 104–111. (In Russian).
14. Esper, I.M. & Syarg, S.S. (2013) *Ryzhkovo (pervoye lyuteranskoye poseleniye v Sibiri) i lyuteranskoye tserkov'* [Ryzhkovo (the first Lutheran settlement in Siberia) and the Lutheran church]. St. Petersburg: Gyl', 390 s.
15. Anon. (1893) *Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaystvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoy i Eniseyskoy guberniy.* *Eniseyskaya guberniya* [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei Provinces. Yenisei Province]. Vol. 4 (2). Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoy.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 5. File 1218.
17. Russian Empire. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 38-1. No. 39400. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii.
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 12. No. 57.
19. Vitukhnovskaya-Kaupala, M.A. (2018) S.Yu. Vitte, N.N. Gerard i parlamentskaya reforma Finlyandii [S.Yu. Witte, N.N. Gerard, and Finland's parliamentary reform]. In: *Problemy reformirovaniya Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: k stoletiyu so dnya smerti S.Yu. Vitte: sb. st.* [Problems of reforming Russia at the turn of the 19th–20th centuries: to the centenary of the death of S.Yu. Witte: collection of articles]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 343–364.
20. Kaupala, P. (2012) Aleksandr II i pod'em finlyandskoy avtonomii: otzvuki Krymskoy voyny [Alexander II and the rise of Finnish autonomy: echoes of the Crimean War]. In: *Aleksandr II. Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey: sb. st.* [Alexander II. The tragedy of the reformer: people in the fate of reforms, reforms in the fate of people: collection of articles]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 195–213.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 5. File 159.
22. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 595. List 48. File 1042.

Received: 11 February 2021